

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов,
спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы
спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ РЕЙС

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Смертельный рейс

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Смертельный рейс / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-163911-2

Одна из самых популярных серий А. Тамоникова, где собраны романы о судьбе уникального спецподразделения НКВД, подчиненного лично Л. Берии. Общий тираж автора – более 10 миллионов экземпляров. «Смертельный рейс» – о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». Для переброски по ленд-лизу стратегических грузов из США в СССР от Аляски до Красноярска прокладывается особый авиационный маршрут. Вражеская разведка всеми силами пытается сорвать планы союзников. Для предотвращения провокаций в район строящегося аэродрома направляется группа майора Максима Шелестова. Оперативники внедряют в действующую диверсионную группу своего сотрудника. Ему удастся выйти на руководителей вражеского подполья буквально накануне намеченной немцами операции... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе.» – С. Кремлев

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163911-2

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Смертельный рейс

Глава первая

Костер горел охотно. Охотники собирали серые прошлогодние ветки, высушенные солнцем и ветрами. Ломались они со звоном и загорались весело, ярко, давая хороший жар.

Котелок закипал, старый Алгыр начал засыпать в него щепотками травы из заветного мешочка. Старческие губы что-то шептали, будто сопровождали каждый пучок сушеной травы напутствием дать отдых и силу людям, отогнать хворь и усталость. Охотник щурил глаза, улыбаясь огню.

Усевшись на корягу и поджав под себя ноги, Алгыр разгладил жиденькую седую бородавку. Покой. Это старик ценил в жизни больше всего. Покой давало осознание, что в семье порядок, что дети здоровы, что рождаются и растут внуки. И что тайга добра к человеку и дает ему дичь, травы, орехи. Дает столько, чтобы прокормиться. И каждый день наполнен благодарностью человека природе и природы человеку, что тот берет ровно столько, сколько ему нужно. Равновесие, как в лавке, в которой всю жизнь Алгыр покупал табак и порох.

Но мир меняется, и покоя в душе все меньше. Нет, не за себя поднималась в душе тревога у старого охотника – его век близится к концу. Тревога за близких, за молодежь, которой жить в этом быстро меняющемся мире. Но ничего с этим не поделаешь. Надо жить в ладу с другими и со своей душой. А поладить всегда можно. Жаль, не понимает этого старый друг Тулуй. И этот русский Мулымов, что сидит сейчас у костра вместе с якутскими охотниками. Тоже все бродит по земле, все ищет что-то – беспокойство от него. Вроде и хорошее дело делает, думает, как живут растения и животные, думает, как помочь им и как не навредить, но беспокойства в нем много, это хорошо видно. Зачем идешь в тайгу, если на душе неспокойно? Если на душе неспокойно, идти нужно к людям.

– Снег в этом году поздно ляжет, – делая какие-то записи в блокноте, сказал Мулымов. – Кабарга и изюбрь уйдут далеко в тайгу, охота плохая будет.

– Это и видно из твоих стекляшек на носу, – проворчал Тулуй, ломая и подбрасывая в костер сухие ветки. – Мясо надо успеть накопить на зиму, шкуры выделать. Зимняя шкура хорошая. Тепло носить будет. А зверь ушел. Голодно будет в деревнях, холодно будет.

– Всей стране голодно и холодно! – нахмурился биолог и поправил очки на носу.

Снова в небе послышался гул. Охотники подняли головы и стали смотреть на небо. Над тайгой появился большой самолет. В вечернем небе тускло блеснули серебром его крылья. Еще две минуты, и самолет скрылся за кронами деревьев.

Алгыр покачал головой. Зачем человеку небо? Ему даны ноги, чтобы ходить по земле. Зачем так высоко поднимается, что он там ищет, куда идет?

– Жадность влечет человека, – ответил хмурый Тулуй. – Мало ему земли. Большая беда будет, если человек до солнца дотянется.

– Не жадность, – улыбнулся Алгыр. – Человек – что ребенок: ему все интересно, он все хочет попробовать. Любопытство ведет человека. Крылья даны ему любопытством.

– Крылья – зло! Змея летать не может, она из травы жалит. Дай ей крылья, и не будет от нее спасения. Всякой твари свое место отведено.

– Человек – не тварь, – возразил Алгыр.

Но тут охотников перебил Мулымов.

– Вы оба правы и оба не правы, мудрые старики, – сказал биолог, убирая блокнот в карман ветровки и складывая очки. – И насчет любопытства, которое ведет человека к свету, и насчет

змеи, обретшей крылья. Война идет, большая война. И крылья несут сейчас воинов навстречу врагам, защищать свои дома.

– Что за война? Какая война? – Тулуй задумчиво посмотрел на русского ученого. – Далеко от нас, зачем здесь летают крылья? Пусть там бы летали, где война.

– Вы веками живете в тайге, – вздохнул Мулымов. – Ничего не меняется здесь. Но мир больше, чем ваша тайга, и он находится в движении.

– Наш маленький мир, в нем маленькое зло, – согласно кивнул Алгыр. – В большом мире большое зло. Много людей, много зла. Но когда много людей, то и добра много. А доброе всегда зло побеждает. Это в каждом из народных преданий, испокон веков об этом говорится.

– Маленькое зло? – Тулуй вскинул голову. – А вот крылья пролетают над нами, над поселком, над нашей тайгой. И сюда зло добралось.

– Эх, старики, – рассмеялся Мулымов. – Вы медленно живете. Вы не помните, когда ваши предки охотились и не знали ружья и пороха...

Начальник заставы лейтенант Прохоров опустил бинокль. Его пограничникам приходилось охранять один из самых сложных участков дальневосточной границы СССР. Река Амур, по которой проходила государственная граница, в этих местах сильно петляла, разбивалась на несколько протоков, омывая небольшие острова. Только вода, только камни и искореженные деревья, которые пытались расти среди скал. Не уследи – и нарушитель скроется севернее в маньчжурской тайге. И не найти там ни его самого, ни его следов.

Двое молодых пограничников и опытный седоусый старшина Антипенко находились поодаль, опустившись на одно колено и держа наготове карабины. Сержант Дюжев, рассудительный, из сибиряков, лежал рядом с командиром и больше смотрел на птиц, что кружили над островами.

– Здесь они пойдут, товарищ лейтенант, – уверенно повторил сержант. – Акимка врать не станет, он сколько раз уже помогал нам.

Акимкой на заставе звали китайца Ким Чона. Рыбак, проводник, известный травник и лекарь народными методами, он знал эти места как свой карман. Тут жили и его предки, а родственников у Акимки что по эту сторону границы, что по ту было не счесть.

– Наш Акимка – товарищ проверенный, – согласился Прохоров. – Но вот в чем беда-то: и кроме него есть опытные охотники и следопыты в Маньчжурии.

– А может, просто мины поставить, товарищ лейтенант? – не унимался Дюжев. – Чего мы вылеживаем, караулим? Пришел чужой – на тебе по сопатке. А нечего лезть! С врагом у нас разговор короткий. И все будут знать...

– С врагом – да, сержант! – терпеливо согласился командир заставы. – А с другом? А если охотник с той стороны заблудился, а если простой крестьянин? Ты знаешь, что в Китае сейчас в некоторых провинциях голод, что там до трети населения в деревнях с голоду умирает? Вот и бывает, что от отчаяния идут к нам за помощью. Выжить хотят. Знают, что Советская страна не бросит трудящихся, обязательно поможет. Мы же не империалисты, мы – страна трудового народа. Вот так-то. На соседних участках бывало такое, и в других отрядах сталкивались с ситуацией, когда китайские крестьяне сотнями шли на нашу территорию.

– А мы что же? – сержант аж присвистнул и сдвинул на затылок фуражку.

– А что мы? Конечно, всех накормили, обогрели, но и проверочку сделали. Враг, он не дремлет, и среди беженцев бывает, овечкой прикидывается. Такая наша служба, товарищ сержант. А сейчас – отставить политинформацию. Наблюдать за сопредельной территорией!

Около часа пограничники в полном молчании наблюдали за рекой и зарослями на противоположной стороне. Но вот шелхнулись кусты. Прохоров навел бинокль на подозрительный участок речного берега и стиснул зубы. Вот тебе и Акимка! А они пошли здесь! Голова, повязанная платком, некоторое время возвышалась над кустами, поворачиваясь то вправо, то

влево, потом на мелкое каменное крошево у самого уреза воды вышел невысокий человек – по виду китаец. Ботинки, перетянутые полосами ткани икры, карабин, заброшенный за спину. Узкие длинные усы трепал ветерок.

Из кустов один за другим появлялись люди и, торопливо шлепая по мелководью сапогами, бежали к советскому берегу. Один, второй, третий... восемь... двенадцать! И у каждого в руках карабин, почти у каждого за спиной набитый чем-то тяжелый солдатский вещмешок. Два ручных пулемета: в голове группы и на замыкании.

Сержант Дюжев молчал рядом. Лейтенант покосился на пограничника и заметил, что тот сжимает свой карабин так, что пальцы побелели.

– Спокойно, Дюжев, спокойно, – проговорил начальник заставы.

– Товарищ лейтенант, они же с оружием идут! – громко прошептал сержант. – Это не просто нарушители...

– Да, это банда, это диверсанты, которые идут взрывать и убивать! – зло бросил начальник заставы. – За мной!

Когда лейтенант Прохоров вместе с сержантом прыгнул за камни, где находились в «секрете» пограничники, старшина Антипенко принялся докладывать о своих наблюдениях. Судя по всему, группа нарушителей была одна. Двенадцать человек со стрелковым оружием и при двух ручных пулеметах. Сейчас начальнику заставы приходилось принимать важное решение, и ошибиться он не имел права. Впятером задержать или уничтожить нарушителей сложно. Там вполне могли оказаться подготовленные и умелые бойцы. А у Прохорова из пяти пограничников двое неопытных, необстрелянных, не участвовавших в задержаниях, а тем более в полноценном бою с врагом. Послать кого-то на заставу за помощью? На это уйдет несколько часов, половина дня. За это время банда скроется в глубине советской территории. Скорее всего, нарушители разделятся на несколько мелких групп.

Надо все сделать самим, и быстро! Теми силами, которыми в настоящий момент располагал Прохоров.

– Вот что, Антипенко, – лейтенант на миг задумался, покусывая от напряжения губу, – возьми одного бойца с пулеметом и по гряде выходи к Тигриной Пади.

– Они медленно пойдут, таиться будут, – согласился старшина. – Успеем, товарищ лейтенант. По гряде бегом можно. Вон Волкова возьму. У него ноги быстрые, в спартакиадах до войны побеждал, говорит.

– Хорошо. – Начальник заставы оценивающе посмотрел на пограничника Волкова. – Забирайте все гранаты, и бегом. Ваша задача – остановить нарушителей и не пропустить вглубь советской территории. Мы с Дюжевым и Плыновым ударим с тыла, зажмем их с двух сторон. Вы, главное, продержитесь до нашего подхода.

– Есть продержаться, – бодро ответил старшина. – А ну-ка, бойцы, перемотать портянки, оружие проверить!

Лейтенант кивком отозвал Антипенко в сторону. Старшина, покручивая седой ус, посмотрел начальнику заставы в глаза. Оба понимали всю сложность задачи. По большому счету надеяться приходилось на чудо и на то, что звуки стрельбы услышат на заставе и вышлют тревожную группу. Еще надеяться приходилось на две сигнальные ракеты, которые на заставе обязательно увидят. Эти ракеты как раз и означают, что произошло нарушение границы и что наряду нужна помощь. Давать сигнал ракетами сейчас нельзя, иначе банда быстро рассредоточится и уйдет. Только с началом боя! А потом... Час или два придется ждать помощи и сдерживать нарушителей, отстреливаться и не давать им продвинуться вперед. Собственно, нельзя им дать уйти назад. Сложная задача. Но кто сказал, что у пограничников есть задачи легкие? Специфика службы!

– Все понимаешь, старшина? – тихо спросил начальник заставы.

– Чего ж непонятного, товарищ лейтенант, – кивнул Антипенко. – Решение вы приняли правильное. Другого выхода у нас нет. Вы за молодых ребят не беспокойтесь. Надежные они, хоть и не очень умелые. Никто не отойдет! Даже не сомневайтесь!

– Я и не сомневаюсь, – улыбнулся Прохоров. – На тебя как на себя самого надеюсь.

Ветер гнал над головами рваные тучи, небо то хмурилось, то распаивалось, пропуская солнечные лучи. Трепетали листья осин и уродливых берез среди камней. Тревожно было в небе, тревожно было на душе. Вся страна сейчас билась с ненавистным врагом на западе, а здесь, на востоке, через границу то и дело запускали свои жадные щупальца иностранные разведки, приспешники Гитлера и милитаристской Японии. И гибли пограничники, гибли товарищи в неравных схватках. Поднимаясь по ночам в любую погоду на перехват чужих банд и групп нарушителей, вставали грудью на пути врага, заступая ему дорогу на нашу территорию.

Первую пулеметную очередь Прохоров услышал через два часа. Очередь была длинная – патронов в двадцать. «Эх, старшина! – мысленно посетовал начальник заставы. – Не части, экономя патроны!» Но лейтенант просто не знал, что Антипенко сумел найти такую позицию, с которой тропа была как на ладони. Он и красноармеец Волков успели буквально в последнюю минуту – упали за камни, когда в ста метрах перед ними появилась банда.

Восстанавливая дыхание и смахивая со лба пот, старшина позвал пограничника:

– Волков, видишь сосну слева, повыше нас? Поднимись туда и не высовывайся. Смотри на тропу. Как только группа дойдет до лежащего поперек ствола дерева, крикнешь, как положено по уставу, предложишь сложить оружие и поднять руки. В тебя начнут стрелять. Тут ты сразу за камни и жди. Как заговорит мой пулемет, ты присматривайся к ситуации. Выбирай цель и стреляй только наверняка. Позицию почаще меняй. Понял, Волков?

– Так точно, товарищ старшина, – волнуясь, ответил пограничник.

Антипенко лег щекой на приклад ручного пулемета, глубоко вдохнул и выдохнул, подводя мушку под живот первого, шедшего по тропе противника. Старшина старался глушить в себе радость от того, что удалось найти такую позицию. Долго, очень долго, секунд двадцать, вся группа будет как на ладони, вся под прицелом. И быстро спрятаться, укрыться от огня им некуда. Повезло, не напорточить бы, не подвести лейтенанта.

И вот голос Волкова пронесся над тропой. Уверенно, властно. Молодец, пограничник! И сразу нарушители сорвали с плеч карабины. И только хлестнул в ответ с тропы первый выстрел, как старшина плавно нажал на спусковой крючок своего «дегтяря». На первой очереди Антипенко не стал экономить патроны. Сейчас его задачей было испугать, вселить панику, убить или ранить как можно больше нарушителей, залить тропу свинцовым ливнем. И он выпустил длинную очередь, поводя стволом из стороны в сторону, нагоняя тех, кто бросился в кусты, кто искал укрытия в камнях на склоне. Один, второй, третий. Пятеро остались на тропе! Еще двое, прихрамывая и падая, уползли в укрытие. В этих не стоит стрелять, они уже никуда не денутся. Бить надо тех, кто может скрыться!

Два выстрела раздались сверху. Это из своего карабина стрелял Волков. И ведь попал на второй раз! Пули ударили в камни возле головы старшины, срезали ветки, подняли столбики пыли, зарываясь в рыхлую землю.

Кто-то снизу закричал по-русски, угрожал и требовал. Даже деньги предлагали. Но каждый раз, когда бандиты пытались подняться в атаку и прорваться сквозь кордон, начинал говорить пулемет. Антипенко бил короткими очередями, охлаждая пыл нарушителей. Да и те вели себя уже осторожнее. Перемещались перебежками, каждый раз в новом месте. Чувствовалась хорошая военная выучка. А патроны в последнем диске буквально таяли. Сейчас придется браться за карабин, и тогда они все поймут и бросятся, как волки, на добычу. На этот случай есть гранаты. Их по четыре у каждого. Но и у врага есть гранаты, наверняка есть. А подпускать противника на расстояние броска гранаты – это последнее дело.

Пулемет замолчал в тот самый момент, когда на мушке было трое нарушителей. Старшина выругался, перекатился в сторону и сжал цевье карабина. Сейчас должен выстрелить Волков, подумал Антипенко. Его выстрел, а потом сразу я и сменить позицию. Ну же! Стреляй! Но молодой пограничник почему-то медлил. Старшина поднял голову и, присев на одно колено за большим камнем, навел карабин на ближайшего бандита. Выстрел! И тут же две пули врезались в камни над головой, обдав лицо мелким острым крошевом. Старшина упал на спину и, упираясь каблуками, стал передвигаться к соседнему камню. Главное – торопиться, не подпускать на расстояние броска гранаты. Эх, Волков...

Тишина всегда пугает, когда ты ее не ждешь. Неожиданная тишина особенно страшна в бою. Она может означать все что угодно. Что все твои товарищи погибли, что... погиб ты сам. И это небо над головой, эти тучи, эту поникшую ветку березы, сбитую пулей, ты видишь в последний раз...

«Я живой», – приказал сам себе старшина, и рука нащупала гранату в брезентовом мешке на поясе.

– Бросай оружие! Быстро! Руки за голову, ноги врозь!

Знакомые слова, произнесенные тысячи раз самим Антипенко за годы службы. Так разговаривают с задержанными нарушителями. Да это же лейтенант!

– Антипенко! Старшина! – громко позвал начальник заставы.

Проводник был тяжело ранен. Он дышал короткими неглубокими вздохами, правая нога рефлексивно подергивалась. Потом он перестал дышать и весь вытянулся на земле.

– Жаль, – проворчал Прохоров и пошел в сторону задержанных. Двое русских со связанными за спиной руками стояли на коленях на расстоянии двух десятков метров друг от друга. Опыт начальника заставы сразу подсказал: вот этот молодой и настырный, одурманенный пропагандой, говорить не станет. Допросы продолжатся в отряде, там он, может быть, со временем начнет давать показания. А вот этот, второй, с морщинистым лицом, широкоплечий, с чуть кривыми «кавалерийскими» ногами, будет говорить. И лицо усталое, отрешенное, и в глазах нет ненависти. Явно рад, что жив остался, что не надо идти куда-то через тайгу, ломать ноги. Взяли, ну и пусть. Зато все кончилось.

Пограничник Волков сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, и сжимал рукой рану на плече. Парень был бледен, но держался хорошо. Да и по отзывам старшины, в бою был молодцом. Лейтенант подошел к задержанному.

– Ваше имя?

– Липатов Николай Викентьевич, – тихо ответил мужчина.

– Ваше звание в царской армии? – снова спросил Прохоров, угадав в этом человеке бывшего военного.

– Поручик Нижегородского пехотного полка.

– Цель, с которой ваша группа пересекла государственную границу СССР?

– Проведение диверсионных акций, – тихо, после глубокого вздоха отозвался бывший царский офицер.

– Где, когда?

– Цель – аэродромы. Видимо, те, через которые происходит перегон американских самолетов на запад. Точнее сказать не могу. Рядовых членов группы перед выходом так глубоко в боевую задачу не посвящали.

Шелестов вошел в палату, огляделся. Платов молодец, устроил Буторина в двухместную палату, как командира высокого ранга. Впрочем, вторая кровать была аккуратно застелена и пуста.

Виктор поднялся со своей постели, оперся на палку и протянул руку.

– Я уж думал, про меня забыли, – усмехнулся он. – Лежу тут один, поговорить не с кем. Только сводки слушаю по радио да уколы получаю в самое беззащитное место.

– Ничего, – пожимая руку товарищу, ответил Шелестов. – Иголка – не пуля. Да и колют тебя, наверное, симпатичные сестры. Держи, гостинцы тебе привез, чтобы было не так скучно валяться.

Расстегнув полевую сумку, Максим выложил на прикроватную тумбочку две пачки папирос «Казбек», большую пачку грузинского довоенного чая, несколько румяных яблок. Буторин улыбнулся, провел рукой по ежику седых волос, прошелся, чуть прихрамывая, по палате.

– Сестрички тут хорошие, заботливые. Вон моего соседа, полковника, уже выписали. Все попытывался о моем звании, в каких частях служил да где ранение угораздило получить. А я выкручивался. Платов мог бы и легенду подбросить на такой случай. Врать терпеть не могу. На задании все проще, а перед своими стыдно как-то. Что слыхать по нашей части? Не пролежать бы здесь до конца войны. А то победят без нас!

– Без нас не победят. Лопай яблоки, чай пей, сил набирайся. Нога твоя как? Смотрю, ходишь уже?

– Велят разрабатывать, – погладил бедро Буторин. – Недолго уж осталось. Парк у них тут хороший. Хожу дышать осенним воздухом. Покой, тишина, прелыми листьями пахнет, и мысли всякие в голову лезут...

– Ты мысли гони! – нахмурился Шелестов.

– Гони? – невесело усмехнулся Буторин. – А как их гнать, когда я здесь валяюсь, наслаждаюсь природой, а враг до Волги дошел. Поверили нам, дали возможность доказать, что мы честные граждане своей Родины и готовы за нее жизни отдать. Вот я и не хочу жалеть! Мы должны быть там, где льется кровь и где каждый день убивают фашистов!

– Ладно тебе, Виктор. – Шелестов положил руку на плечо Буторина. – Нервы расшалились? Мы с тобой делаем важное дело, которое не всем по плечу. А что касается крови, так ты ее тоже пролил. Ты не в санатории здесь, а на излечении. И спасибо тебе, что тогда прикрыли нас на катере. Честно говоря, не думал я тогда, что удастся нам уйти. А вообще, пролить кровь – это самое простое. И за Родину умереть просто. А ты вот попробуй сражаться, врагов убивать, а свою кровь не проливать. Какой от тебя толк от раненого или убитого?

Буторин удивленно посмотрел на командира. Потом улыбнулся и кивнул.

– Умеешь ты все свернуть в нужное русло. Вроде я еще и виноват, что меня ранили, вроде как мой недосмотр!

– Правильно ты заметил, Виктор, насчет «нужного русла». Завтра мне в девять ноль-ноль назначено прибыть к Платову. Думаю, новое задание для группы есть. Так что налегай на витамины!

Сосновский топтался у входа в гастронорм, то и дело поглядывая на часы. Неужели он был настолько невнимателен, что пропустил Марию, не увидел, как она прошла? Нет, не может такого быть. Просто ее задержали дела, начальство, обстоятельства. «Или я разучился быть терпеливым», – усмехнулся Михаил. Вот что делают женщины с каменными сердцами и стальными нервами мужчин!

Он осторожно поправил маленький букетик незабудок на груди под пиджаком и снова стал смотреть по сторонам.

Селиверстова появилась неожиданно. Он увидел девушку в простой красноармейской форме, стоящую на углу. Кажется, она размышляла, в какую сторону пойти. Сосновский, стараясь держаться за спинами спящих по улице людей, приблизился, достал свой букетик и вежливо кашлянул:

– Маша!

Он увидел глаза Марии и понял, что совсем не знает этой девушки. Столько было сейчас в ее взгляде: и радость, и грусть о чем-то из прошлого, и надежда, и боль неизбежного расста-

вания, и частичка детства, юности, и огонь взрослой жизни, огонь войны, который успел ее опалить. Он и не думал, что Маша так ему обрадуется. А ведь она надеялась, что он появится, думала о нем. Это было совершенно понятно!

Сосновский ждал этого, но все равно было так неожиданно.

– Здравствуй, Машенька, – улыбнулся Михаил и протянул цветы. – Это тебе!

– Боже мой, незабудки! – Селиверстова всплеснула руками и сразу превратилась в простую девчонку из Замоскворечья.

Почему женщины так любят цветы? И не просто цветы, а именно цветы как подарок, как подношение. Наверное, пытаются ощутить что-то романтическое в душе мужчины, который дарит ей цветы. Станные создания – женщины, мысленно усмехнулся Сосновский, глядя, как Маша подносит к лицу маленький букетик незабудок. Женщины хотят видеть в своем избраннике сразу все: и романтику, и высокую духовность поэта со способностью любить ее и весь мир в придачу, носить женщину на руках и осыпать цветами, читать ей стихи при луне, писать для нее пылкие строки! И в то же время она хочет видеть своего избранника героем, победителем, суровым воином, который способен победить всех врагов. И невдомек им, наивным, что поэт-романтик никогда не станет великим воином. А великий воин никогда не станет писать стихи и читать их при луне. Это два не просто совершенно разных человека, это два взаимоисключающих типажа.

– Миша, ты случайно здесь? – спросила Селиверстова, но глаза ее говорили, что она знает ответ на этот вопрос, просто хочет услышать эти слова от него.

– Нет, – улыбнулся Михаил. – Я знал, что ты была в штабе. Я знал, что ты сегодня вечером уедешь на фронт. У меня есть связи, и я все узнал.

– Не на фронт, Миша, – Мария стала серьезной. – Ты же все знаешь.

– Знаю, – так же серьезно кивнул Сосновский. – Ты знаешь про меня, а я про тебя. Но сейчас у нас есть несколько часов, и мы можем провести их вместе. Я даже не могу предположить, когда мы снова увидимся, вот так, чтобы в одно и то же время оказаться в Москве.

Гулять по Москве было трудно. За час три патруля проверили у Селиверстовой документы, а один угрюмого вида подполковник отчитал ее за то, что она не отдала честь при встрече. Сосновский взял Машу за руку и повернул к себе.

– Знаешь что, пойдем ко мне. Там, по крайней мере, мы будем одни, хотя бы час. Это же невозможно! Это не прогулка, это черт знает что получается.

Маша не удивилась, как будто ждала этого приглашения. Она сразу согласилась, и они побежали через улицу под сигналы проезжающих автомашин. Михаил в подъезде замедлил шаг, но сдержался. Уж очень сильно ему хотелось прижать к себе девушку и начать ее целовать. Прямо здесь.

Они поднялись на третий этаж, он отпер дверь. Щелчок выключателя – и прихожая оза-рилась неярким светом запыленной лампочки. Что-то произошло в голове и в сердце Сосновского. Нет, не пропало желание обнять Машу, просто это стало не главным. Он смотрел, как она разувается, на ее натруженные сапогами ноги, он слушал ее голос, смех, любовался, как она поправляет перед зеркалом свои короткие, по-мужски остриженные волосы. И ему хотелось смотреть на нее, слушать ее голос.

А Маша вдруг стала вести себя в его квартире как хозяйка. Она вытащила из тумбочки старые разношенные тапочки, сунула в них ноги и потащила Михаила в ванную мыть руки. Потом они кипятили чайник и раскладывали на столе всю еду, которая нашлась в доме. И это было здорово: вот так сидеть напротив, смотреть друг другу в глаза и на время забыть, что идет война. Сердце иногда покалывало от мысли, что война есть и что через пару часов они расстанутся. Может, навсегда. Но эти два часа были их временем, их миром, их вселенной.

Они пили чай с бутербродами, ели ложкой старое бабушкино варенье и вспоминали свою операцию на Черном море, когда они искали затопленную секретную торпеду. Михаил с сожалением сказал, что не додумался припасти водки, чтобы помянуть всех погибших.

– Нет, – возразила Маша, – мы не на поминки собрались с тобой. У нас другой повод, правда?

Сосновский посмотрел в глаза девушки и кивнул. Да, они сейчас должны думать о жизни, о будущей жизни, а не о смерти, не о погибших. Он и она. И завтра они будут друг от друга на расстоянии тысячу километров, но сегодня они вместе, и это нужно сохранить в сердце как можно глубже и дольше.

Он положил руку на пальцы Марии и чуть сжал их. Маша ответила ему сильным пожатием. Это было как пароль, как согласие. И он, не вставая со стула, потянул девушку к себе. Она поднялась и пересела Михаилу на колени. Обхватив его голову, она прижалась к мужским губам своими горячими, сладкими от варенья губами и замерла. Селиверстова совершенно не умела целоваться. «Да и целовалась ли она вообще когда-нибудь в своей жизни», – подумал Сосновский. Он гладил ее по волосам. Плечам. Целовал ее руки, лицо, шею, зарывался пальцами в ее короткие волосы и чувствовал, что Маша все плотнее прижимается к нему, ощущал, как ее бьет легкая дрожь. И тогда он подхватил девушку на руки и, глядя с нежностью в ее влажные глаза, понес к кровати.

Все наркомы и ответственные сотрудники наркоматов привыкли к тому, что Сталин спит очень мало и любит работать по ночам. Едва ли не половину всех совещаний он проводил на Ближней даче.

Платов ждал Берия на Лубянке, то и дело посматривая на часы. Сегодня совещание затянулось.

Была уже половина четвертого утра, когда Платов отложил бумаги и подошел к раковине в маленькой комнате отдыха, совмещенной с его кабинетом. Открыв кран, он несколько раз ополоснул лицо холодной водой. Сонливая усталость отступила. Мысли снова послушно выстроились в голове.

Сведения, поступающие из-за границы, были противоречивыми. И это не настораживало. Так и должно быть. Каждый из источников по-своему оценивал ситуацию. Пропускал ее через свое понимание событий, через свою схему причинно-следственных связей. Анализ сообщений от агентов влияния всегда требовал неспешного и вдумчивого анализа. Выводы порой оказывались совершенно неожиданными.

– Товарищ старший майор, – послышался из кабинета голос посыльного, худошавого сержанта госбезопасности, в новой, еще не обмятой гимнастерке, затянутой в талии ремнем. – Нарком ждет вас.

Торопливо вытерев лицо полотенцем и глянув на себя в зеркало, Платов удовлетворенно кивнул. Нормально: бодрое лицо, никаких сонных глаз, которые так не мог терпеть Берия. Папку с бумагами Платов сунул в сейф. Берия мало когда пользовался записками. Он обладал феноменальной памятью и того же требовал от своих сотрудников. Всю информацию по работе ты должен держать в голове, иначе не сможешь анализировать постоянные изменения ситуации и делать правильные выводы. Забыть можно детали, свериться можно по каким-то незначительным цифрам, но основное ты должен знать и помнить без бумаг.

Шаги глушились толстыми коврами дорожками. И от этого казалось, что ты идешь не пустынным коридором наркомата, а передвигаешься в каком-то ином мире, в заброшенном пустом здании, где уже давно, десятки и сотни лет, нет людей. Платов знал за собой эту манеру фантазировать. Творческое ассоциативное мышление помогало в агентурной работе, в анализе конкретной ситуации.

Дверь приемной Берии была раскрыта настежь. Лаврентий Павлович стоял возле своего стола и подписывал какие-то бумаги, которые ему подкладывал помощник. Подумалось, что совещание у Сталина было напряженным. Редко можно было видеть Берию таким, как сейчас, – похожим на сжатую пружину, сдерживающим кипучую энергию. Чаще всесильный нарком выглядел вальяжным вдумчивым руководителем, неспешно излагающим свои мысли. Но только близкие сотрудники знали, сколько энергии в этом человеке, сколько идей ищут выхода одновременно.

– Заходи, – коротко, не поднимая головы, приказал Берия. Он не мог видеть Платова, но каким-то чутьем догадался о его присутствии.

Наконец, помощник собрал подписанные листы в папку и ушел, плотно закрыв за собой дверь. Берия все еще стоял перед рабочим столом, опершись на свои сжатые кулаки.

– Было много вопросов? – осторожно спросил Платов. – Хозяин был не в духе?

– Черт бы побрал доброхотов! – резко бросил Берия. – Даже я не могу понять, кто ему докладывает и откуда он все знает.

– Значит, вопросы были по линии контрразведки, – кивнул Платов.

– Понимаешь, – усмехнулся Берия и, вынув из кармана носовой платок, стал промакивать испарину на лбу. – Иначе зачем бы я тебя вызвал.

– Я слушаю, Лаврентий Павлович! – с готовностью ответил Платов.

– Какие у нас есть сведения по Русскому общевойсковому союзу? Меня интересует аналитика и тенденции. В двадцатые и тридцатые годы мы рассматривали РОВС как едва ли не ключевого противника на международной арене. Что изменилось в этой организации с началом войны в Европе, а особенно после нападения Гитлера на Советский Союз?

– Многое изменилось, Лаврентий Павлович, – ответил Платов, удовлетворенно подумав, что угадал сферу интересов Берии. Только сегодня он просматривал последние донесения закордонников по РОВСу. – Союз перестал быть однородной организацией под единым сильным и авторитетным руководством. РОВС продолжает оставаться чисто военной организацией, подчиненной военному командованию. Я бы сказал, что идеи борьбы с коммунизмом у них переродились в объективную необходимость выживания на чужбине. Оставаясь военной организацией, они в тех странах, где имеются отделы РОВСа, демонстрируют лояльность правительству, пытаются показать себя силой, ответственной перед гражданским долгом той или иной страны.

– Ну-ка поясни. – Берия наконец подвинул стул и сел, откинувшись на спинку. Он внимательно смотрел на Платова, казалось, стараясь не пропустить ни одного слова.

– В сентябре 1939 года французский отдел РОВСа объявил мобилизацию в свои ряды в связи с началом войны. Причем правительство не настаивало на этом. Инициатива принадлежала командованию РОВСа. Вскоре в Париже был организован Комитет помощи русским мобилизованным при РОВСе во Франции. Почти аналогичная ситуация была в Югославии в апреле 1941 года, когда германские войска вторглись на ее территорию. Тогда сам начальник Югославского отдела генерал-лейтенант И. Г. Барбович, начальник Кубанской дивизии генерал-майор В. Э. Зборовский и командир Гвардейского казачьего дивизиона полковник А. И. Рогожин предоставили себя и возглавляемые ими части РОВСа в распоряжение Югославского королевского военного командования. Тогда еще по просьбе Барбовича и по директиве начальника РОВСа генерала Архангельского выпускники Военно-училищных курсов при IV Отделе РОВСа были досрочно произведены в подпоручики.

– Это когда немецкие оккупационные власти в Югославии запретили деятельность РОВСа? – вспомнил Берия.

– Совершенно верно, – кивнул Платов. – Тогда же нацисты закрыли самое сильное печатное издание союза – журнал «Часовой».

– Нет, не вижу я, что Русский общевоинский союз деградирует и сдает антикоммунистические позиции. – Берия решительно хлопнул ладонью по крышке стола. – То еще змеиное гнездо!

– Гитлеровская система не доверяет РОВСу, Лаврентий Павлович, это очевидно. Еще в мае 1941 года начальник объединения Русских воинских союзов генерал фон Лампе обратился к главнокомандующему Германской армии (ОКХ) генерал-фельдмаршалу Браухичу с просьбой в случае начала боевых действий против СССР предоставить членам РОВСа возможность принять участие в вооруженной борьбе с коммунистической властью в России. Уже в первые месяцы войны, по нашим сведениям, отдельные члены Союза по собственной инициативе пытаются отправляться на Восточный фронт, чтобы принять участие в борьбе с большевиками на Родине и оказывать помощь русскому населению. И вот эта вторая часть их видения борьбы с коммунизмом в советской стране немцам не понравилась. Гитлеровцы согласились допускать членов РОВСа в районы боевых действий с Красной армией и на оккупированные территории, но только в качестве переводчиков. Но потом их стали возвращать. Причина до абсурдности проста – русские белогвардейцы слишком благоволили к местному русскому населению и военнопленным.

– У меня есть сведения, что партизаны Броз Тито сталкивались с русскими белогвардейцами, – вставил Берия.

– Ну это скорее демонстрация, нежели система. Члены РОВСа вступали добровольно во вновь организованный Русский корпус якобы для защиты русских эмигрантов от террора партизан Броз Тито. Хотя сам генерал Борбович от сотрудничества с немцами отказался. По крайней мере, на публике. В марте этого года шло формирование Русского корпуса и в Югославии, и в Болгарии. Но опять же, Лаврентий Павлович, я оговорюсь, что реальной военной силой это подразделение не является. Это скорее обозначение своей политической позиции. У нас имеется достаточно сведений о том, что бывшие царские офицеры из РОВСа пытаются сотрудничать с подпольем и партизанами. Есть случаи перехода линии фронта на нашу сторону с целью вступления в Красную армию. Но, увы, есть и активная антисоветская прослойка в руководстве РОВСа.

Глава вторая

Шелестов шел по коридору, стараясь не поддаваться настроению. Да, воспоминания не очень приятные, но ведь он не только посидел в здешних подвалах, он ведь работал в этой системе и бывал в здании по служебным делам, являясь частью этого организма. Оставался он ей и сейчас, правда, в непривычном для себя качестве, но в разведке и не такое бывает. Разведка не терпит шаблонов.

– Разрешите, товарищ старший майор? – Шелестов по-военному вытянулся, хотя на нем был обычный гражданский костюм.

Платов поднял голову и посмотрел на вошедшего. Отношения не складывались, несмотря на то что группа уже не первый год успешно выполняла очень сложные задания. Ни одного провала, ни одного срыва. Но трудно было переступить через себя, через обиду, незаслуженное недоверие, о котором хоть и знали немногие, но от себя свой стыд не скрыть. Шелестов с большим уважением относился к профессионализму Платова, к его уму и таланту чекиста, но все же не мог простить тех слов, с которыми освободили из-под стражи его самого, Буторина, Когана и Сосновского. «Помните, что обвинения с вас не сняты и что в любой момент вы можете вернуться в камеру».

– Прошу, Максим Андреевич. – Платов сделал рукой приглашающий жест, указывая на стул у приставного столика.

Но сесть Шелестов не успел – в кабинет быстрыми шагами вошел Берия. Окинув колючим взглядом фигуру Шелестова, нарком прошел в угол и уселся на диван под плафоном настенного светильника. Побарабанив пальцами по подлокотнику кресла, он спросил:

– Как Буторин? Выздоровливает?

– Так точно, – ответил Шелестов, продолжая стоять. – Рана зажила, но для полного восстановления нужно, чтобы рассосались рубцы и спайки в мышечной ткани. Он усиленно разрабатывает ногу, много ходит под присмотром врачей.

– Под присмотром, значит, – задумчиво повторил Берия, потом сделал жест рукой. – Садитесь. Ну, я думаю, теперь ему придется разрабатывать ногу под вашим присмотром. Платов еще не пояснил вам суть нового задания? Начинай!

Платов опустился на стул, сложил руки на столе, предварительно отодвинув в сторону бумаги. Немного помедлил, потом поднял глаза на Шелестова:

– Вы знаете, Максим Андреевич, что по договору ленд-лиза наша страна получает большую помощь от Соединенных Штатов Америки. Существует несколько каналов поставки: северным путем, через южную границу. Но некоторые виды вооружения и боевой техники таким длинным путем поставлять нецелесообразно. И мы совместно с учеными, прежде всего летчиками-полярниками и метеорологами, нашли иную возможность. Создан авиационный маршрут от Аляски до Красноярска с несколькими промежуточными пунктами. По этому маршруту поставляются боевые самолеты, запасные части, точные приборы, медикаменты. Разумеется, новый маршрут, для которого восстанавливались и приводились в порядок старые аэродромы, строились новые, создавалась инфраструктура обеспечения полетов, использовать только так, односторонне, было бы расточительством. Данная воздушная магистраль используется также для переправки наших и американских дипломатов, для перевозки дипломатической почты, стратегических ресурсов, прежде всего, золота и слюды.

– Такое мероприятие скрытно не проведешь, – кивнул Шелестов. – Северная магистраль активно бомбится и торпедируется немцами. Южная, несмотря на то что Иран перестал быть профашистским, является очень длинной. Да и там тоже не все спокойно. А тут весь маршрут по родной земле. Заманчиво!

– Вот именно! – резко бросил Берия. – Вражеская разведка дорого даст за информацию по Алсибу и за возможность сорвать поставки через Сибирь. Разумеется, там активно будет работать и особый отдел 1-й перегонной авиадивизии, и местные территориальные органы НКВД. Но нам нужны там свои оперативные силы, свои незашоренные глаза.

– Ваша задача на месте – вскрыть вражескую резидентуру, – спокойно продолжил Платов, – пресечь работу вражеской разведки на линии. Сроки весьма сжатые, перегоны уже начались, и мы уже теряем самолеты и экипажи. Особенность вашего нового задания в том, что ваш противник не только и не столько немецкая разведка, сколько гитлеровские пособники из эмигрантов.

– Русский общевойсковой союз? – сразу насторожился Шелестов.

– Возможно, – кивнул Платов. – Япония тоже заинтересована, хотя активной враждебности не проявляет. Провокации на границах минимальные и носят скорее психологический характер. А вот использовать чужие руки для «загребания жара», как говорится, – прием удобный.

– Значит, еще и Российский фашистский союз?

– Лидер русских фашистов Родзаевский – не военный, – ответил Берия. – Он теоретик и фантазер, но в 1936 году несколько групп все же пытались проникнуть с территории Китая с целью проведения диверсий. Все они были ликвидированы нашими пограничниками. Японцы активно помогали и помогают Родзаевскому, но не поощряют военные акции. Побойваются развязывания конфликта раньше времени.

– Его штаб базируется все там же, в Харбине?

– Да, в Харбине и в Маньчжоу-го¹, – подтвердил Платов. – Возможно, вы столкнетесь там и с выкорышками Родзаевского, но его активность в настоящее время лишь на бумаге и на словах. Мы оценивали его силы. Заявленная перед японцами двадцатитысячная организация на деле, как мы полагаем, насчитывает не более четырех тысяч сторонников. Активных, прежде всего.

– Значит, – кивнул Шелестов, – в любом случае это русская колония в Маньчжурии. Расходный материал из числа эмигрантов. Из тех, кто еще остался озлобленным на Советский Союз. Ясно.

– Ты вот что усвой, Шелестов, – строго приказал Берия. – Свой враг, он во много раз страшнее и кровожаднее, чем чужой. Чужой идет твое забрать, он сразу рот раззявил, а эти считают, что идут возвращать свое, то, что ты у них когда-то отнял. Правыми они себя считают, вот что страшно.

– Я понял, товарищ нарком, – сухо кивнул Шелестов.

Сейчас его больно кольнуло в сердце сравнение, которое неожиданно показалось ему подходящим. Враги считают себя вправе возвращать свое. Что бы ни говорили, а они считают себя правыми и отстаивают это. Вот и я, вот и мои ребята – так же. И каждый за свою правоту умереть готов. Только разница есть, и весьма существенная. Наша правота разрешает нам идти с открытым лицом и доказывать свою правоту, а они лезут тихо, крадутся и бьют ножом в спину. Да еще тогда, когда твоя Родина в опасности. Они ведь считают эту землю своей Родиной. Так что же они идут ее освобождать с вурдалаками и убийцами, что же они смотрят спокойно, как гитлеровцы убивают женщин и детей, жгут города? Города твоей Родины! Твою землю жгут!

Охотники шли с самого рассвета, а шаг старика Тулуя, идущего первым, не становился короче, не чувствовалось, что он устал. Октябрьское солнце висело в холодной дымке над тай-

¹ Маньчжоу-го («Великая Маньчжурская империя»; «Государство Маньчжурия») – марионеточное государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории китайской Маньчжурии. Существовало с марта 1932 по август 1945 года. Аналогичное государство было создано и на оккупированной территории Монголии.

гой и равнодушно смотрело на бессмысленно копошащихся внизу людей. И от этого холодного взгляда светила на душе становилось тоже холодно и тревожно. Может быть, порадовал бы первый снег, но снегопады в этом году тоже задерживались. Это было и хорошо, и плохо. Плохо для земли, для растений, для грызунов, которые уже должны были спать в своих теплых норах под снегом. Но было хорошо для охотников, которым легче ходить по твердой земле, а не передвигаться на лыжах по глубоким сугробам.

Охотники обогнули большую сопку. Скоро начнутся оленье места – редколесье и распадки, где животным еще можно найти подножный корм.

Тулуй резко остановился и поднял голову.

– Ах, как нехорошо. Какая беда. Я говорю: незачем человеку иметь крылья, незачем лететь к солнцу. Ноги даны ему, ногами ходить должен.

Алгыр подошел и остановился рядом с другом. На склоне сопки, разметав деревья и развалившись на части, висел на покореженных стволах серебристый самолет. Да, вот и новый повод поворчать старому другу. Некрасиво, когда человек вот так уродует природу. Но человек – владыка ее, и иногда, как большое неразумное дитя, он совершает ошибки. Иногда просто нельзя иначе, ведь мы рубим деревья, когда нам нужен дом, когда нужен огонь. И так бывает, что человек попадает в беду и гибнет. Человек смертен, так устроен мир.

– Никому не ведома наша судьба. Не нами она пишется, – укоризненно изрек Тулуй, подняв руку.

– Спорить о судьбе можно всю жизнь, но так и не постичь истину, – вздохнул Алгыр. – Но есть истины, которые нет нужды постигать. Они даны нам предками. Негоже, когда тело умершего терзают хищники. Тело должно обрести покой.

– Ты хочешь, чтобы мы его похоронили? – нахмурился старый охотник. – Чем мы будем копать землю? Топором? Или потратим день пути до зимовья и вернемся с лопатой? Нельзя трогать, нельзя вмешиваться. Зло должно оставаться здесь.

– Нет тут зла, есть только горе, Тулуй. У этого человека есть мать, есть жена, дети. Ты как хочешь, можешь возвращаться или продолжай охотиться, если тебе так спокойней. Мне будет лучше, если я доставлю тело к людям. И люди его похоронят по тем обычаям, которыми они живут.

Алгыр решительно направился к самолету. Сбросив на высохшую траву свой рюкзак, прислонив к дереву ружье, он полез вверх по склону, цепляясь еще крепкими руками за кустарник и тонкие стволы осинки. Когда охотник добрался до самолета, перед ним предстало ужасное зрелище. От удара самолет буквально разорвало на части. Кабину, в которой находился пилот, вывернуло наружу. Потемневшие от крови останки летчика были зажаты между дюралевыми рванными листами фюзеляжа и острыми расщепленными обломками деревьев.

Разглядеть лица было невозможно – молод он или мужчина средних лет? Охотник не разбирался в значках, которые носили военные на петлицах. Похоже, молодой парень. Эх, жить бы ему да детишек рожать. Война, видишь! Говорят, один народ на другой пошел. Такое в чукотских сказаниях тоже упоминалось. Но всегда свою землю народ отстаивал. Благодаря могучим сынам своей земли.

Весь день охотники пытались выломать куски обшивки, чтобы освободить тело погибшего летчика. Хорошо, что погода стояла подходящая: сухая и еще не морозная. Тело начало портиться, появился запах. Летом было бы еще хуже, а зимой, когда все укроет снегом, сюда будет не подняться. Запах крови все же привлек лисиц, но животные не смогли забраться в самолет.

Когда тело извлекли и спустили по склону вниз, охотники развернули парашют и положили на него летчика. Аккуратно собрали вывалившиеся внутренности и туда же положили оторванную ногу. Кровь свернулась, оставалась надежда, что запах не так быстро привлечет хищников.

Пока Алгыр занимался телом, шепча успокоительные слова и хвалы павшему воину, Тулуй развел костер, набросав в него много дров. Он приготовил еду в котелке и оставил догорать угли. Пепел и мелкие угли пригодятся, чтобы ими обильно посыпать тело, прежде чем его завернут в парашют. Запах горелого дерева отобьет запах и отпугнет хищников.

Из двух гибких ветвей лиственницы охотники сделали волокушу, затесав полозья топором.

Утром печальная процессия двинулась к дому. Путь был неблизкий, да еще с таким грузом. До озера Тюнгию, в 50 километрах от Якутска, где строилась запасная ледовая взлетно-посадочная площадка, охотники добрались лишь через три дня.

То, что в далеком от цивилизации поселке нашлась почта, Буторина удивило. Он не видел здесь ни телефонных проводов, ни тем более электрических. Не было и столбов. «Ну не кабель же проложили к этому поселку», – подумал Виктор.

Он шел по пыльной улице, разбитой колесами и гусеницами строительной техники. На краю поселка стояли тракторы, скреперы, пятитонные грузовики. Здесь же ютились вагончики для рабочих да несколько маленьких бревенчатых избушек, наскоро построенных, судя по всему, еще весной.

Инженер Николаев из Якутского управления дорожного строительства шел рядом деловым размашистым шагом и покрикивал на рабочих, требуя то убрать с дороги технику, то ускорить погрузку горячего. Какой-то парень подбежал с бумагами, но Николаев отослал его, сказав, что сейчас подписывать некогда.

– Еще вчера колонна должна была уйти, а какие-то разгильдяи сорвали отправку. Завтра утром в восемь часов должны начать работы, а мы еще здесь. Эх, не сносить кому-то головы! – Инженер вдруг спохватился: – Вы есть хотите, Виктор Алексеевич? Я замотался сразу, а вы ведь с пересадками сюда летели, погреться и поесть негде было. Хорошо, что нелетная погода нас задержала, а то бы пришлось думать, как вас отправлять сюда. У меня на ваш счет был строгий приказ: начальника геологоразведчиков доставить непременно!

– Ну я не начальник геологоразведки, – улыбнулся Буторин. – Просто начальник группы. Проведем здесь кое-какие изыскания вам в помощь. А поесть было бы неплохо!

Суэта понемногу улеглась. Буторину показалось, что с прибытием Николаева в поселке воцарились деловой порядок и рабочий ритм. Ведь не зря же именно такого человека прислали из Якутска, чтобы исправить положение. Приказ Москвы – дело серьезное. Тут не только в переносном, но и в прямом смысле могут полететь головы за нарушение сроков и планов.

Через полчаса Николаев удовлетворенно посмотрел на наручные часы, отдал еще несколько распоряжений, а потом буквально за рукав потащил Буторина к строительному вагончику, на котором красовалась фанерная табличка с надписью «Столовая». Здесь начальство, видимо, уже ждали. Отдельный столик у окна был накрыт чистой скатертью, в граненом стакане посередине стола красовались три бумажных самодельных цветочка. «Как на могилку», – невольно подумалось Виктору, но он постарался отогнать эту нелепую неожиданную мысль.

Женщина в белом переднике поставила на стол две тарелки с дымящимся наваристым борщом. Судя по запаху, мясо было не говяжье и не свиное.

Пока торопливо ели горячий борщ, Николаев продолжал рассказывать:

– Приказ есть приказ. Нам дали конкретные точки для оборудования недостающих посадочных полос на маршруте. На имеющихся аэродромах, которые включили в список маршрута, пришлось приводить в порядок полосы: где-то удлинять, строить дополнительные рулежные дорожки. Объемы работ колоссальные, сроки самые сжатые. Я бы сказал, сжатые до нереальности. Делаем все, что можем.

– Не хватает людей и техники? – понимающе спросил Буторин.

– Не хватает, – хмуро кивнул инженер. – У нас тут свой фронт! Местным властям разрешили привлекать жителей близлежащих населенных пунктов, работников сибирских и дальневосточных отделений Гражданского воздушного флота и заключенных лагерей ГУЛАГа на Чукотке и Колыме, работавших в системе «Дальстроя». Были случаи, когда мы даже просили выделить нам школьников – случались такие критические моменты – вплоть до 12-летнего возраста. А еще нужно суметь вовремя доставить материалы и оборудование, чтобы люди не простаивали. Задействовали гидросамолеты, приходилось возить и на оленьих упряжках.

Буторин все это знал. Знал он и то, что за весь 1942 год на маршруте длиной в шесть тысяч километров было вновь построено полтора десятка основных и резервных взлетных площадок. И что работы продолжаются. И что строятся зимние полосы, которые надо обслуживать. Ведь пилотам надо куда-то садиться, если подведет машина или погода. А под крылом только тайга и горы. Захочешь дотянуть, да некуда. И искать не станут. Потому что не найти, бесполезно – нет времени и ресурсов. Поэтому пилоты и получают жалованье на уровне командира батальона на передовой.

– А как у вас тут телеграф работает? – наконец спросил Буторин. – Телефонных проводов не вижу.

– Ну это скорее экстренная связь, хотя можно и телеграмму отправить. Радио, Виктор Алексеевич, просто радиостанция. А вы хотите что-то отправить?

– Да, по службе нужно телеграфировать начальству, – кивнул Буторин.

В старой бревенчатой избе, собранной, видимо, из двух или трех срубов, было накурено. Две женщины в синих спецовках сортировали почту, попискивала в углу радиостанция. Двое рабочих разбирали газеты, полученные на бригаду. Высокий мужчина в круглых очках заполнял какой-то бланк, сидя на стуле, держа между ног карабин, тут же покуривал охотник-якут.

Николаев подошел к какому-то человеку, тут же возник разговор о маршруте, что сейчас не пройти, не замерзли болота. Больше всех настаивал высокий мужчина в круглых очках.

Заполняя бланк телеграммы, которую потом передадут по радио, Буторин прислушался. Спор разгорался, и, кажется, Николаев засомневался. Если тронуться сейчас и повести технику по утвержденному маршруту, можно и трактора утопить, и людей погубить.

Неожиданно старый якут поднялся и, попыхивая трубочкой, подошел к инженерам. На него оглянулись, спор затих. В наступившей тишине раздался скрипучий голос охотника:

– Почему не пройти? Дороги есть. Если надо, я проведу и людей, и машины ваши. Много весят, но пройти можно. Рубить гати надо, стелить на болото надо. Все пройдут.

– Ну вот. – В избе снова загалдели, а Николаев похлопал охотника по плечу.

Постепенно помещение опустело. Буторин, стоя у стены и не привлекая внимания, продолжал писать текст сообщения. Якут и мужчина в очках задержались у двери, стал ясно слышен их разговор.

– Тулуй, а почему ты решил помогать? Ты же говорил, что это зло, что человек должен ногами ходить?

– Ты умный человек, Бахылай, – покачал охотник головой. – Когда буду умирать и придут ко мне дети и внуки проводить, кто-то из них спросит: а ты не помог людям, когда они пошли с тракторами в болото? Там погибли люди, не родились дети. Ты не сделал добра, Тулуй, значит, ты сделал зло. Так скажут, Бахылай.

Старик сунул трубку за пазуху и вышел. Человек в круглых очках оглянулся по сторонам, будто боялся, что его разговор со старым якутом кто-то мог услышать. И вышел следом.

Через полчаса, когда колонна тронулась, Буторин спросил Николаева:

– А кто этот человек, который на почте пытался доказать вам, что колонна не пройдет? В круглых очках, худой такой? Якут назвал его Бахылай.

– Бахылай? – Удивленный Николаев посмотрел на Буторина. – Так это Мулымов Василий Исаевич. Он ботаник, растения здешние изучает. Все лето в этих местах, каждую тропинку не хуже якутских охотников знает.

– Видать, хуже, раз якут вызвался вас провести, а Мулымов доказывал, что не пройдете, что нет пути.

– А он доказывал это? – нахмурился Николаев. – Что-то не припомню. Вроде все спорили. Народ у нас опытный, зря болтать не станет. Но Тулую верить можно, старик проведет, раз сказал.

– А почему он Мулымова назвал Бахылай?

– Так это по-якутски Василий. Ну или не по-якутски, может, просто аналог наших имен по созвучию. Они часто наших своими именами кличут: Василий – Бахылай, Иван – Уйбаан, Семен – Сэмэн, Михаил – Мэхаээчэ, Дарья – Даарыйя, Трофим – Доропуун. Привыкнете еще. Якуты – народ добрый, мудрый и справедливый.

Удостоверение у Сосновского было надежное. Да еще подкрепленное телеграммой из Москвы. Все-таки Платов был голова, это он хорошо придумал. Отличная легенда: представитель Наркомата обороны, в частности, руководства Гражданского воздушного флота. И не военный, а аббревиатура НКО на каждое должностное лицо действует одинаково: вытягиваются, как перед самим наркомом. Тогда, в 1941-м, уже 23 июня весь гражданский воздушный флот Советского Союза был передан в оперативное управление Наркомата обороны. А весь личный состав считался мобилизованным.

На 4-м километре от поселка Хандыга вот уже две недели шла отсыпка взлетно-посадочной полосы. От Якутска по прямой всего каких-то триста пятьдесят километров. Но в тайге нет прямых дорог. И в Хандыгу Михаил попал только на вторые сутки, заночевав вместе с водителями грузовиков прямо в кабине. Ночью ехать по тайге опасно и потому запрещено.

Завернувшись в брезент и лежа в кузове грузовика, Сосновский вслушивался в разговоры рабочих, что сидели возле затухающего костра.

– Не понимаю, – сквозь кашель твердил чей-то голос. – Такая страна, такая промышленность у нас, гиганты год за годом сдавали, сталинские стройки. А сейчас едем с лопатами ковырять вечную мерзлоту. Тут техника могучая нужна. Раз такое дело, самолеты фронту нужны, так пригони сюда трактора, экскаваторы. За неделю полосу отсыпем, и тяжелые самолеты принимать можно будет. Дело-то нехитрое.

– Ты не бухти, – ворчливо отозвался другой. – Лопаты ему не нравятся, бульдозеры подавай. А где их взять, коль такая война идет. Почитай, вся Европа супротив нас. Гитлер всех подмял, всех под ружье поставил и на нас двинул. Слышал я, там не только немецкие танки, а и французские, и чешские. Сколько заводов на Германию работают!

– Я о другом, – снова заговорил первый голос. – Это все понятно, ты свою агитацию не разводи. Мы тоже газеты читаем. Мне интересно, когда вредительство у нас изведут? Думаешь, нету вредителей? Есть! Чего два дня назад стрельба была возле аэродрома в Якутске? Милиция зря палить не станет. А раз стреляли, значит, кто-то хотел пробраться через проволоку. А самолеты не все долетают! Не верю я, что самые лучшие пилоты, сталинские соколы не умеют летать. Уж не вредительство ли это, не моторы ли кто-то пытается портить? А смазку летнюю прислали вместо зимней!

– Меньше болтайте, – оборвал разговор кто-то третий. – Чужой человек с нами едет. А ну как услышит разговоры ваши вредные?

– То-то и оно, что чужой, – вздохнул возмущавшийся. – Охотники вон тоже поговаривают, что чужаки в тайге появились. А у охотников глаз востер.

– Все! Спать, балаболки!

После услышанного разговора Сосновский сделал себе мысленную пометку – побольше общаться с коренным населением. Изучение потребностей строительства, анализ поставок, срывов и нарушений – это, конечно, все нужно. Таким образом можно выйти на след вражеской агентуры. Но опираться нужно не только на свои глаза и уши.

Начальник аэродрома Борткевич, одетый в ватник поверх полувоенного сюртука, встретил Сосновского с недоумением на лице. Но, увидев предписание и документы важного гостя из Москвы, выпроводил из своего вагончика всех сотрудников и начал привычно и без выражения докладывать о состоянии техники, о наличии людей, об объемах работ.

Сосновский перебил его:

– Иван Осипович, меня статистика не интересует. Это все можно из ваших отчетов почерпнуть. Вы скажите как опытный руководитель, как строитель и хозяйственник: что вам здесь нужно будет в первую очередь, чтобы полоса работала? Полосу вы сделаете, а потом? Вам ведь работать надо, самолеты принимать!

– Мы – полоса резервная, – нахмурился Борткевич. – К нам самолеты могут развернуть, если на трассе нелетная погода, сложные метеоусловия. Ну или если поломка и машина не сможет дотянуть до следующего штатного пункта.

– О чем я вам и толкую! – одобрительно сказал Михаил. – Вам виднее на вашем рабочем месте, какие проблемы, в чем. Я помогу, я утрясу в наркомате в Москве. Наведем порядок с поставками.

Борткевич поднялся со стула, переложил на столе бумаги, явно собираясь с мыслями и не торопясь отвечать на вопросы московского представителя.

Сосновский терпеливо ждал, рассматривая походный кабинет начальника. Разномастные стулья, даже две самодельные лавки вдоль стен. Столы старые, еще дореволюционные, с жестяными номерочками. Наверное, инвентарные из прежнего острожного хозяйства. Единственное окно вагончика пыльное, а полы давно не скобленные, с въевшейся грязью от тысяч сапог, прошедших здесь за это лето.

Подойдя к вешалке-стойке, Борткевич задумчиво поправил брезентовый плащ с капюшоном и вернулся к столу.

– Тут ведь дело вот в чем, дорогой товарищ, – заговорил, наконец, начальник аэродрома. – В подходе дело! Мы для чего полосы-то строим? Чтобы самолеты в случае большой нужды здесь сесть могли. Чтобы спасти машины дорогие, нужные фронту. Чтобы пилотов спасти.

– Все правильно, – одобрительно ответил Сосновский. – Вы правильно формулируете, Иван Осипович.

– Так я же и говорю, я же писал и звонил! – оживился Борткевич. – Полосу сделаем – и все, сидеть будем и ждать у моря погоды. Или, вернее, непогоды! Тут ведь специалисты нужны: обязательно ремонтники, по строительному делу, энергетики, авиационные техники. Мы должны быть укомплектованы как аварийный аэродром. А мне говорят – нерентабельно. Будет надо – пришлем, а держать без дела таких специалистов, чтобы они у вас спивались и от безделья мучились, когда такая потребность в людях, непозволительная роскошь.

– И какой выход вы лично видите как опытный руководитель?

– Аэродром нужно загружать. Пусть он будет местной площадкой, для местного сообщения, но с возможностью принимать машины с трассы Алсиба. Тогда и простоя специалистов не будет, и аварийные рейсы будем принимать и обслуживать. Тут я набросал свои предложения, но у меня их не взяли. Сказали, что я не в свои дела лезу. Вы не подумайте, Михаил Юрьевич, что я выслужиться хочу или что, я за дело болею, за страну нашу, которая и так кровью обливается.

– Ну-ну, – улыбнулся Сосновский. – Об этом я и не думал даже. Вы, Иван Осипович, эти предложения, что готовили для своего руководства, мне отдайте. Я попробую по своей линии их протолкнуть. Вы кому пытались их здесь отдать? Кому докладывали?

– Товарищу Букатову Аркадию Арсеньевичу. Он заместитель начальника управления комплектации и снабжения. Он человек очень грамотный, я не хочу очернять или наводить вас на мысли...

– Стоп, стоп, товарищ Борткевич, – с самым серьезным видом остановил Сосновский собеседника. – Давайте с вами договоримся так. Я никому не буду говорить, что вы эти предложения пытались продвинуть по инстанции. Вы никому не говорите, что отдали их мне, чтобы их продвинул я. Ведь что может получиться? Кто-то из руководства усомнится в порядочности товарища Букатова, кто-то подумает, что вы через голову пытаетесь выслужиться. А ведь, прежде всего, дело пострадает, понимаете? А мы с вами ради дела и работаем здесь, важного дела, государственного. Нам с вами не нужно углубляться в пустые дразги и разборки. Согласны?

– Да-да, Михаил Юрьевич! Я совершенно с вами согласен, – обрадовался Борткевич. – Вот тетрадка моя заветная, я там все расписал, обосновал. Даже расчетики кое-какие сделал.

«Значит, Букатов, – задумался Сосновский, выйдя из вагончика начальника аэродрома. – Обычное дело на производстве. Если бы этот Букатов предложения Борткевича как свои выдал, то понятно, что карьерист и чинодрал. Хочет на чужом горбу в рай въехать. Но ведь он инициативу снизу не пропускает. Второй случай, когда его фамилия фигурирует. Случайность? Дурак осторожный? Боится инициативы и последствий? Присмотреться бы к нему надо».

Сосновский, пока трясся в полуторке и ехал через тайгу, полистал тетрадку Борткевича и нашел любопытные факты. Оказывается, Иван Осипович осторожно, очень осторожно намекал тому же самому Букатову, что аэродром надо было строить километрах в пяти восточнее. Нынешние полосы, по его мнению, будут выходить из строя и их придется ежегодно подправлять. Болота, оттаивает вечная мерзлота. А восточнее скальные образования будут выполнять функцию бетонного основания. Да, обойдется дороже, и техники больше потребуется, и сроки сдвинутся. Но Букатов его не понял, не оценил или... Если полоса поплывет будущим летом, то толку от запасного аэродрома в Хандыге не будет никакого. Стоп! Надо об этом подумать и осторожно посоветоваться с экономистами и технарями. Ведь бестолковой, скорее всего, будет тут полоса. А значит, не сядут самолеты, значит, могут погибнуть люди и дорогостоящие машины.

– Вот, товарищ Шелестов! – Комендант с трудом открыл навесной замок на давно не крашенной двери с фанерными заплатами. – Это ваша комната. Уж не обессудьте, апартаменты не царские. Тут у нас рабочие, кто на вахте, живут, командировочные. Приехал, переночевал, и снова в дорогу. Не для отдыха. Спальное место!

Максим вошел в комнату и осмотрелся. Жить здесь ему не хотелось, даже ночевать. Конечно, при его службе ночевать приходилось еще и не в таких условиях, но без особой необходимости устраивать себе подобные приключения тоже было как-то не по себе. Все-таки чем полноценнее отдых ночью, тем продуктивнее день. Даже на фронте, на передовой и то стараются для солдат создать условия для отдыха, питания и помывки. А здесь в глубоком тылу, вдали от бомбежек и пожаров стоит кирпичный дом с облезлыми внутри стенами, с отбитой штукатуркой, из-под которой торчит дранка, с обсыпавшимися потолками. С окном, в котором только половина целого стекла, а вторая половина – лист фанеры и старая вонючая подушка, которой заткнута дыра в проеме. Скрипучие прогнившие полы, не видевшие краски много лет. Металлическая кровать была откровенно ржавой, а на матрац, покрытый старым прожженным шерстяным одеялом, вообще смотреть не хотелось. Складывалось впечатление, что на нем

спали исключительно люди с ночным недержанием или на этот матрац периодически проливали щи.

Шелестов поморщился. С одной стороны, при его статусе простого инженера по надзору за строительством можно бы и смириться. С его легендой и не в таких условиях приходилось на стройках жить. Но, с другой стороны, ведь не девятнадцатый же век. И паровое отопление есть, и электричество, и легкий ремонт помещения не будет дорогим. Известь, масляная краска. Что еще нужно? Тут уж не война виновата, а неорганизованность местного руководства. Точнее, полная организационная немоть.

– А что, других помещений у вас в хозяйстве нет? – вкрадчивым голосом осведомился Шелестов. Ответ он знал заранее.

– Да откуда же, – пожал плечами комендант. – Только здесь и ночуют приезжие. Беда, денег выделяют самый мизер. Ни на что не хватает. Хотя бы тепло и воду да свет подавать можем, а уж о ремонте и не мечтаем.

– Слушай, товарищ, – Шелестов наклонился к коменданту и заговорщически проговорил: – А может, еще какие варианты есть? Ну вы там у себя между ведомствами никак не договариваетесь, когда приезшему ну очень нужно более или менее приличное жилье?

– Что вы, откуда! – нервно засмеялся комендант, и Шелестов понял, что варианты действительно существуют, но ему ни одного из них не предложат. Сам спросил, подозрительно ведет себя. А вдруг куда повыше пожалуется, что за деньги его в приличное помещение заселят. А денежки в частный карман уйдут.

Но выход все же нашелся. Потоптавшись на месте, комендант заговорил:

– Если очень уж хочется в чистое помещение да супа домашнего, то я могу подсказать. Кое-кто из старушек местных, что одни живут, кому скучно в четырех стенах, пускают постояльцев. Я не знаю, как там договариваются, но пускают. Только я вам ничего не говорил, понимаете?

Шелестов понял. Черт с ними, с этими взяточниками, может, старушки с ними делятся. Но жить в таком сарае Максим категорически не хотел.

Хозяйку звали тетя Дуся, она не была старушкой. Крепкая женщина лет семидесяти с морщинистым улыбчивым лицом, в чистом платочке. Встретив Шелестова на пороге своего дома, она внимательно выслушала, улыбнулась и предложила:

– Ну так заходи, сынок. От меня не убудет, а тебе здесь лучше будет, чем в казенных стенах. Я ведь знаю, что такое командировки, необжитый угол. Проходи, проходи. Я одна, других постояльцев нету.

В обычной хате-пятистенке нашелся для постояльца вполне просторный угол за ситцевой цветастой занавеской. Здесь была кровать, стол со стулом, большой комод с зеркалом. В доме хорошо пахло травами и свежим хлебом. Но что Шелестову понравилось особенно – это то, что рядом с его «комнатой» было окно. Оно выходило не во двор, а в сад. А из сада вполне спокойно можно было попасть на пустырь за домом. Да и хозяйка спала не в этой комнате, а на большой кухне, где возле печи так же был отгорожен угол с занавеской от самого потолка до пола. Все продумано, все удобно. Ясно, что сегодняшний постоялец у тети Дуси не первый и не последний.

– Ты умойся с дороги, сыночек, – посоветовала хозяйка. – Увидишь, свет милее будет.

Разувшись, Шелестов вышел во двор и с наслаждением умылся из большого самодельного умывальника. Потом возле бочки с дождевой водой помыл ноги, и мир в его глазах и правда преобразился. Вернувшись в дом с полотенцем на шее, он прошлепал босыми ногами в свой угол и достал чистую майку.

Тетя Дуся его порадовала. Она принесла соленых огурчиков, квашеной капусты, нажала картошки, нарезала сала с розовыми прожилками. Максим только покачал головой и, махнув рукой, извлек из чемодана бутылку водки. Под такой ужин, и не выпить!

Тетя Дуся скромно пригубила рюмочку и стала смотреть, как гость с аппетитом уминает ее стряпню. Она рассказывала про жизнь в поселке, про то, кто чем живет и какое здесь начальство и как, почитай, уже с весны идет строительство аэродрома.

– А ты, Максим, кем же будешь? – наконец, спросила она. – По какой такой специальности?

– Я, тетя Дуся, инженер. Из Москвы я. Прибыл надзирать за проведением работ. Инженер по надзору за строительством. Так это называется.

Теперь, когда он представился, когда заручился расположением хозяйки, можно было осторожно задавать вопросы. А их у Шелестова накопилось много.

Глава третья

Погода портилась. Транспортный самолет пробивался сквозь дождь, терялся в густых кучевых облаках и снова выныривал над ними, блестя на солнце мокрыми крыльями.

Коган, закрыв глаза, сидел на дюралевом откидном кресле и безуспешно пытался задремать. Первый отрезок полета, до Красноярска, прошел без приключений. Почти весь путь Борис любовался голубым небом и проплывающим далеко внизу ландшафтом. Но после Красноярска все изменилось. Началась болтанка из-за сильного ветра, потом грозовой фронт, который пришлось обходить, потом низкая облачность. Пилотам пришлось поднимать машину в верхний эшелон. В салоне транспортника сразу стало холодно. И вот снова сплошная облачность, порывистый ветер. Пилоты несколько раз пытались уйти на ближайший аэродром, но генерал с авиационными эмблемами на петлицах, летевший этим же бортом, категорически запрещал отклонение от маршрута.

Самолет стало трясти и болтать из стороны в сторону. Коган даже не представлял, что машины могут выдерживать такие нагрузки. Ему казалось, что еще минута такой тряски – и самолет развалится в воздухе. Непослушные пальцы сами сжимали подлокотники.

Из кабины вышел летчик и, наклонившись к авиационному генералу, стал ему что-то с жаром объяснять. Генерал побагровел и, размахивая кулаком, будто заколачивая в воздухе невидимые гвозди, ответил пилоту что-то грозное. «А ведь он нас всех угробит», – подумал Коган, и тут самолет так тряхнуло, что пилот едва не упал на пол, но успел ухватиться руками за ремни под потолком.

Генерал устался в открытую дверь кабины пилотов. Коган посмотрел туда же и заметил, что на приборной панели мигает какая-то красная лампочка. Дверь захлопнулась. Появилось ощущение, что самолет пошел на снижение. Куда? Коган посмотрел в иллюминатор. Среди разрывов облаков под крылом простирался сплошной зеленый ковер. Тайга, и никакого просвета. И скалистые кряжи выпирают, как гнилые зубы во рту старика. «Вот ведь ассоциации, – усмехнулся невесело Коган. – Когда появляется реальная опасность, то и сравнения возникают соответствующие».

В салоне самолета было шесть пассажиров. Пожалуй, только генерал да еще Коган не показывали своего страха. Грузный военный инженер второго ранга сидел с серым лицом и, не переставая, протирал шею мокрым от пота носовым платком. Рядом с ним техник-лейтенант так вцепился в большой коричневый кожаный портфель с двумя застежками, что, казалось, еще немного, и он разорвет его. Женщина-военврач мужественно пыталась перебороть страх, но на глаза ее то и дело невольно наворачивались слезы отчаяния.

Коган нахмурился и перестал смотреть на пассажиров. Он перевел взгляд в иллюминатор и попытался оценить шансы машины. Скорость, угол, под которым она снижалась, ну и, конечно, степень залесенности. Все эти размышления отвлекали от животного страха смерти, появлялись мысли, что есть шанс уцелеть при падении на лес. Мозг привычно анализировал варианты, пытался спрогнозировать благоприятный исход.

Кроны деревьев приближались, они были уже под самыми крыльями самолета и неслись навстречу с бешеной скоростью. Нет, это только так кажется, что скорость невероятно большая. Транспортный самолет такой грузоподъемности садится со скоростью никак не выше двухсот или двухсот пятидесяти километров в час.

Коган попытался представить, какие земные механизмы можно разогнать до такой скорости, но не успел. Удар снизу был такой силы, что его бросило вперед. Привязные ремни врезались в грудь, спружинили так, что перехватило дыхание, показалось, что сломалось сразу несколько ребер. Дышать было нечем, но радовало то, что самолет продолжал двигаться впе-

ред. Скорость падала. Или это падал сам самолет? Смотреть в иллюминатор было страшно, но, как гласит народная мудрость, чтобы пересилить страх, надо смотреть туда, где страшно.

Снова удар снизу, под днище самолета, но теперь что-то страшно хрустнуло, с треском отлетело, задев хвост. Машина резко накренилась, потом стала быстро выправляться, и тут со страшным грохотом оторвало правое крыло. Ремни лопнули, и Коган полетел куда-то в темноту, в глубокую угольно-черную пропасть. Он еще успел почувствовать удар головой и страшную боль в руке. Последняя мысль была о том, что руку ему оторвало.

Потом Борис вдруг осознал, что не умер. Нет, у него не появилось никаких религиозных бредней про рай или ад, про «тот свет», где он сейчас мог оказаться со своей бессмертной душой. Коган был убежденным атеистом и о боге не думал даже в минуту смертельной опасности.

Его первые ощущения, первые секунды осознания себя как живого человека были вполне реальными. Значит, не умер, не сгорел заживо. Голоса. Кто-то ходит рядом, и пахнет горелым. Но это запахи авиационного топлива и горелой древесины. Черт, как болит рука! Лишь бы не оторвало, а то говорят, бывают какие-то фантомные боли, когда чувствуешь оторванную конечность. Кажется, что рука или нога чешется или болит, а ее нет. Коган понимал, что надо просто открыть глаза и посмотреть, но ему было страшно.

– Сопляк! – обозвал себя вслух Коган, но голос был настолько слаб, что он не услышал сам себя.

У костра сидели несколько пассажиров самолета. Техник-лейтенант и два летчика рубили толстые ветки и складывали из них что-то типа шалаша, на который набрасывали зеленые еловые лапы и сухую траву. Самолет с обломанными крыльями и большой трещиной в корпусе лежал в русле каменистой реки. Вода журчала, омывая фюзеляж. У самой воды на камнях Коган увидел два завернутых в парашютное полотно тела.

– Тихо, тихо! – К Борису подбежала военврач. – Вам лучше не вставать. У вас открытый перелом. Я забинтовала руку и наложила шину, но может начаться воспаление, если вы потревожите рану.

Коган все же сел, придерживая забинтованную руку. Голова сильно кружилась. Сжимая зубы, чтобы не застонать от боли в руке, он кивнул на тела и коротко спросил:

– Кто?

– Генерал и тот военный инженер, что сидел с вами рядом, – грустно ответила женщина. – Еще у троих переломы, но, я думаю, не опасные. Ссадины и ушибы есть почти у всех. Летчики говорят: чудо, что мы не загорелись.

Один из летчиков, увидев, что Борис пришел в себя, бросил топор и, отряхнув руки, подошел к нему. Военврач молча отошла к костру, оставив мужчин наедине. Коган хотел встать, но голова снова закружилась, и он опустился на лапник, на котором лежал. Летчик присел на корточки, покосился на пассажиров у костра и тихо представился:

– Командир экипажа капитан Иноземцев. Я хотел с вами поговорить, товарищ Коган.

– Я вас слушаю, – ответил Борис, поглаживая раненую руку.

– Вы следователь особого отдела НКВД, вам поверят беспрекословно. Хотя и так в салоне самолета было достаточно свидетелей.

– О чем вы, Иноземцев? – хмуро посмотрел на пилота Коган. – При чем тут моя должность?

Борис единственный из всей группы летел в Якутск работать легально. В его кармане лежало соответствующее удостоверение и командировочное предписание. По маршруту перелета был отправлен соответствующий циркуляр, что в штаб 1-й перегонной дивизии прибывает следователь особого отдела НКВД для организации расследования аварийности на линии.

Тошнота и дикая боль в руке мешали сосредоточиться. Какого черта нужно пилоту от него, какие, к лешему, свидетели? Сели, и хорошо. Двое погибли – так это мы еще легко отде-

лались, можно сказать. Могли и все угробиться. На пилотов молиться надо, что так все обошлось.

– Мы обязаны были изменить курс, товарищ Коган, – ответил летчик. – Метеоусловия поменялись. Видимость почти нулевая, а при таких перепадах высот приборы не сразу реагируют и дают неправильные показания. Это вообще предельно сложный маршрут.

– И что? – не понял Борис.

– Приказ генерала Комова – маршрут не изменять. Мы вынуждены были подчиниться. Вы же видели, что мы пытались убедить генерала, но он категорически был против. Нам придется отвечать за разбитую машину и погибших людей.

– В том числе и за погибшего генерала? – догадался Коган и кивнул на тела.

– Да, – кивнул пилот. – Нам теперь вовек без чужой помощи не отмыться.

– Хорошо, капитан, – кивнул Коган. – Помоги-ка мне подняться, к костру подойти. Трясет меня от холода. Я за тебя слово замолвлю. С товарищами поговорю, чтобы подтвердили. Ты сам-то часто летаешь по этому маршруту?

– Часто, товарищ Коган. Весь год вожу по нему грузы и людей. Такого здесь несмотрелся! Не верьте тому, кто скажет, что летчикам здесь легче, чем на фронте.

– Это ты мне потом расскажешь, Иноземцев. А сейчас успокой меня насчет спасения. Шансы у нас есть?

– Рация цела, сообщение об аварийной посадке мы отправили. Координаты места точные. Тут привязка к местности хорошая. Да и до обжитых мест совсем немного осталось. По руслу реки, по распадкам до жилья километров двадцать. Обещали помощь с лошадьми прислать. Погода бы только не испортилась. Она тут независимо от прогнозов меняется несколько раз в сутки. Сибирь, одно слово. Тут знаете, как шутят? У нас, говорят, куда дым, туда и ветер.

Помощь пришла к вечеру. Караван из двенадцати лошадей привели охотники-якуты. С ними пришли десять бойцов конвойного подразделения, которые взяли под охрану разбившийся самолет и летчиков.

Иноземцев посмотрел на Когана, тот ободряюще кивнул ему. Ночь провели в большой палатке, которую установили бойцы. С печкой. Нашлась теплая одежда и медикаменты для раненых. Сержант госбезопасности, командовавший бойцами, проверил документы у всех пассажиров, а Когану шепнул, что им повезло. Обычно самолеты не ищут, даже не пытаются. В тайге при таких авариях не выживают, да и средств на поиски не хватает. Но тут случай особый. До места аварии можно быстро добраться. А еще – есть выжившие.

Коган подумал, что и его документы сыграли в их спасении свою немалую роль.

– Товарищ Коган!

Борис повернулся к двери и увидел вошедшую в палату высокую женщину. На вид ей было лет пятьдесят. Белый накрахмаленный халат сидел на ее фигуре как влитой. Глаза строгие. Не оставалось сомнений, что она в этой больнице самая главная. Хозяйка.

– Здравствуйте. Я заведующая больницей, Артамонова Маргарита Владимировна. Есть у вас претензии, товарищ Коган, пожелания?

– Благодарю вас, Маргарита Владимировна. – Борис склонил голову в уважительном поклоне, порадовавшись, что сегодня утром санитарка Алена побрила его очень удачно, почти без порезов. – Претензий к вашему учреждению нет. Лечат хорошо, кормят тоже, постель чистая. Но мне хотелось бы...

– Вот и хорошо, товарищ Коган! – решительно перебила его заведующая. – Главное, чтобы вы поправились. Если будут пожелания или замечания, прошу обращаться прямо ко мне!

– Есть замечания и пожелания, – тут же ответил Борис. – В больнице явно не хватает мест, а я лежу в отдельной палате. Сюда вполне можно положить еще троих или четверых. Я прошу не относиться ко мне как... как...

Коган не смог сразу подобрать подходящее слово, и Артамонова этим тут же воспользовалась:

– Хочу вас огорчить, товарищ Коган, но никаких личных симпатий или чинопочитания. Я всего лишь выполняю инструкции. Вас мне положено лечить в отдельной палате с определенным набором удобств. Если других пожеланий или замечаний нет, то прошу вас лечь на кровать и соблюдать постельный режим.

– Вы очень строги, – попытался пошутить Борис.

– За ненадлежащее исполнение соответствующих пунктов инструкции я могу получить дисциплинарное взыскание.

После такой трудно произносимой тирады Когану оставалось только беспомощно улыбнуться и развести руками. Точнее, одной рукой, той, что не была в гипсе. Интересно, она меня специально здесь держит по просьбе местного руководства или правда соблюдает букву инструкции? И не возразишь ведь, не придерешься. Ведет себя правильно. Только мне не резон валяться здесь, когда группа ждет! Воспаление сняли, отек прошел, заживление идет нормально. Ну с гипсом похожу, не такое уж это большое неудобство.

Лежа на кровати, Коган размышлял о своих первых шагах, когда удастся наконец выйти из больницы. Честно говоря, были у него мысли и насчет диверсии с крушением их самолета. Не хватало информации для анализа. Нет, нужно подключать Шелестова. Пусть принимает меры и помогает выбраться из этих стен. Можно воспользоваться своим правом, но тогда слух пойдет, что человек из Москвы приехал, права качает. А Когану пока стоило вести себя тише воды ниже травы, вникая во все детали аварийности на маршруте. Он эту аварийность уже на себе прочувствовал.

В дверь вежливо постучали. «Кто бы это?» – удивился Борис. Медицинский персонал не стучал, когда входил. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что не хватает ему сейчас пистолета под подушкой. Чем черт не шутит. Дело государственное, и противодействие может принять такие формы и масштабы, что даже душонка следователя из особого отдела НКВД может оказаться разменной монетой. Впрочем, бывшего, бывшего следователя. Незачем кому-то знать такие подробности...

– Разрешите, товарищ Коган? – Летчик в накинутом поверх гимнастерки белом халате замер у входа с двумя сетками-авоськами в руках.

Лицо капитана было бледным и очень усталым. Глубокая ссадина на скуле почти зажила. Или их сразу было несколько? Но выбрит чисто, и в глазах уверенность. Наверное, был под арестом, и теперь выпустили. Борис сразу высказал свое мнение – летчиков не наказывать. Не было их вины в падении самолета. Наоборот, летчиков наградить надо за спасение пассажиров. Ведь там, в тайге, произошло настоящее чудо!

– Заходите, Иноземцев, – кивнул Коган. – Что это вы?

– Ну как же, – чуть смутился пилот. – Навестить вас решил. Вроде как в одной беде побывали.

– А это уж совсем лишнее. – Коган кивнул на авоськи.

– Не откажите, Борис Михайлович, – улыбнулся летчик и, подойдя к прикроватной тумбочке, стал вынимать пакеты из серой оберточной бумаги. – Тут не только я вам привет передаю, это и от пассажиров, от той женщины-военврача, которая вас перевязывала.

В пакетах оказалось печенье, пряники, баранки, конфеты, несколько пачек папирос и даже два яблока. Учитывая, что за окном стоял октябрь, а дело происходило в Якутии, подарок тронул Когана. Видать, и правда, от чистого сердца. Надо воспользоваться своим служебным положением ради такого случая. Борис решительно нажал на кнопку звонка, к которой не при-

касался еще ни разу за все время своего лечения. Дежурная медсестра с испуганными глазами влетела в палату практически тут же. Но Коган решил ее сразу успокоить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.